

Открытая межрегиональная очно-заочная
научно-практическая конференция «Православие и современность»
(секция «Словесность и христианская традиция»)

Портрет рассказчика в повести В.А. Солоухина «Смех за левым плечом»

Работа выполнена
ученицей 10 а класса
МАОУ «Гимназия № 3»
Машенцевой Полиной
Научный руководитель
учитель русского языка
и литературы
Пахолкова И.Ю.

Портрет рассказчика

в повести В.А. Солоухина «Смех за левым плечом»

Оглавление:

1. Введение.....	2
2. Первая глава. Соотношение голосов рассказчика-повествователя и автора в повести «Смех за левым плечом»	5
3. Вторая глава. Портрет рассказчика в повести «Смех за левым плечом».....	9
4. Итоги исследования.....	11

Введение

Владимир Алексеевич Солоухин, перу которого принадлежат стихи, проза, переводы, а также исследуемая в данной работе повесть «Смех за левым плечом», оставил в русской литературе очень заметный след. Годы его жизни – 1924-1997 – говорят о факте его участия во всех трагических событиях, ставших определяющими в этот период: крестьянская семья Солоухиных в начале 30-ых годов едва не подверглась репрессиям как зажиточная; школьником писатель стал свидетелем духовного опустошения деревни, когда безбожие стало главным принципом жизни; во время Великой Отечественной войны служил с 1942 по 1945 год в охране Кремля; в 1956 году, после того как прошел пешком по Владимирской области, написал книгу «Владимирские проселки», опубликованную в 1957 году, в пору оттепели, когда о проблемах русской деревни писать стало можно; выступал с осуждением романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»; очень много писатель ждал от перестройки, по-своему готовил читающую интеллигенцию к ней, говоря в своих книгах о русской иконе, трагедии репрессированных народов, ошибках В.И. Ленина. Но результатами перестройки – в 1991-1997 годах – был очень разочарован; стал инициатором возрождения храма Христа-Спасителя, где после смерти был отпет первым. Обладая твердым характером, будучи любознательным человеком, он прожил очень интересную жизнь. А «в начале 1960-х Солоухин пережил духовный перелом: «...я... начал прозревать и, точнее сказать, прозрел». [1] История этого «прозрения» рассказана писателем в его романе «Последняя ступень (Исповедь вашего современника)» (1976–1995). В.Н. Запевалов в статье «Словаря русской литературы XX века» пишет: «Солоухин назвал свой роман «главной книгой», которая, по его словам, была написана в 1976 году «без оглядки» (т. е. без самоцензуры) и пролежала в столе писателя почти двадцать лет (одна из глав романа под названием «Читая Ленина» была опубликована в немецком издательстве «Посев» в 1988). Весь роман издан в 1995. Ознакомившийся с ним еще в рукописи Л. Леонов заметил: «Вообще ходит человек по Москве с водородной бомбой в портфеле и делает вид, что там бутылка коньяку». «Опальное» произведение Солоухина — это исповедальный роман о мучительном пути прозрения русского писателя-самородка, о судьбе России в XX в., сущности советского строя и образа жизни в эпоху «застоя», о роковых национальных вопросах «Что делать?» и «Кто виноват?». [1] Пафосом «прозрения» отмечены многие произведения В.А. Солоухина.

Писатель считал, что в «пределах своей профессии нужно уметь решать любые задачи» (Книга «Камешки на ладонях», 1977 г.), как он решал их в жанровых рамках стихотворения, рассказа, новеллы, лирической миниатюры, поэмы, романа, киносценария. Продолжая традицию К.Г. Паустовского, В.А. Солоухин многие свои зрелые произведения пишет от первого лица, отчего у читателя создается впечатление, что он сам и есть тот самый человек, с которым произошло описываемое событие. В.Н. Запевалов пишет, что писатель возродил форму повествования от первого лица, где «повествователь подвергался самотипизации, становился литературным образом, в котором угадывались черты современности». [2] Подобная форма дает возможность построить доверительные отношения между читателем и автором. Но авторская позиция и позиция рассказчика-повествователя – это не одно и то же. И в случае с В.А. Солоухиным довольно трудно отделить одно от другого. Понятие «литературная маска» не подходит к образу рассказчика, так как писатель вместе со страной переживает события, за которые ему стыдно, горько, больно. Его герой слишком «такой, как все», и все же в его душе идет постоянно работа, которую ещё А.С. Пушкин определил так: «Духовной жаждою томим». Еще одна причина, благодаря которой трудно отделить рассказчика от автора, – публицистичность многих произведений. Жанр книги очерков «Смех за левым плечом» определили литературоведы, назвав ее публицистической повестью о детстве. По нашему мнению, именно портрет рассказчика поможет разобраться в тонкостях авторской позиции, так как это «художественное изображение, образ литературного героя, общая характеристика» [3], призванные не запутать читателя, а усложнить идею создателя текста, который обращается к очень трудным для русской истории, жизни в России темам.

Цель исследования: доказать, что в основу публицистической повести о детстве «Смех за левым плечом» положен принцип диалогичности, когда авторскую позицию характеризуют два голоса – голос рассказчика-повествователя и автора.

Задачи исследования:

1. Выяснить портрет рассказчика-повествователя в повести «Смех за левым плечом»;
2. Соотнести голос рассказчика-повествователя и голос автора в повести «Смех за левым плечом»;
3. Определить авторскую позицию в вышеназванной повести.

Методы исследования:

1. Анализ идейного содержания повести «Смех за левым плечом»;
2. Анализ композиции очерков повести «Смех за левым плечом»;
3. «Медленное чтение» повести «Смех за левым плечом», в результате которого должен сложиться портрет рассказчика-повествователя.

Выдвигаемая гипотеза:

1. Рассказчик-повествователь в повести «Смех за левым плечом» – личность, в которой борются два начала. Конфликтность заложена в самом характере героя, так как он ощущает себя как человека, принадлежащего эпохе, стране (СССР), а также как русского человека, за спиной которого традиции поколений крестьян, связанные с верой, трудом на земле, желанием прожить жизнь достойно;
2. Авторская позиция в повести имеет свои особенные черты, что определяется её жанровыми характеристиками и тяготением В.А. Солоухина к публицистичности повествования, связанной с установкой на анализ происходящих в 20-30-ые годы событий для будущего страны: она выражена двумя способами – с помощью рассказчик-повествователя и авторского комментария.

Актуальность исследования:

Работа предназначена для учеников 10-11 класса, пытающихся разобраться в особенностях бытия русской литературы XX века, а также сложной эпохи существования страны Советский Союз, которая стала местом рождения, взросления наших родителей, бабушек и дедушек.

Глава первая. Соотношение голосов рассказчика-повествователя и автора в повести «Смех за левым плечом»

В повести «Смех за левым плечом» писатель В.А. Солоухин, за которым с 70-ых годов прошлого века закрепилось слово «деревенщик», знакомит читателя со своим детством, родителями, родной деревней. История взросления ребенка, мать и отец которого принадлежат к двум родам, как сказали бы в советское время, зажиточных крестьян составляет предмет исследования автора, которому в 1989 году, года опубликования повести, уже 65 лет. В первой главе он объясняет, что его мучает, почему он взялся описывать свои ощущения маленького человека, которого вводят в свой круг представлений о мире близкие – отец, мать, деды и бабушки. И объяснения связаны с тем, что человек долгое время не понимает, зачем с ним происходят те или иные события. Автор описывает диалог с неким собеседником, у которого нет имени, и читатель понимает, что разговаривает автор с самим собой. Суть разговора: человечество совершенствует себя, идя по пути технического прогресса, воюя с болезнями, добиваясь спортивных рекордов, но лишает себя и своих детей чистого воздуха, чистых мыслей и чистой жизни. Солоухин цитирует германского ученого И. Бедемора: «Беспрерывно убыстряющийся технический и промышленный прогресс должен быть оплачен постоянно усиливающимся человеческим регрессом, оскудением гуманного начала». И говорит о том, что человек – это арена борьбы добра и зла, Бога и дьявола. Задача, пунктирно намеченная в конце первой главы (её писатель не формулирует, но дает это сделать читателю), – понять себя, чтобы не случилось катастрофы именно с ним. С кем? С В.А. Солоухиным, орденосцем (Орден Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов, орден «Знак Почёта»), лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького, человеком, идущим постоянно вперед, или маленьким мальчиком, у которого позади «потерянный рай» под Владимиром, в деревне Алепино, где окают, ходят босиком, ездят на лошадях, пекут хлеб, держат пчёл?.. Таким образом, уже в первой главе читателя настраивают на мысль о разнице между тем, что считается в обществе достойным, уважаемым, и тем, что считать достойным и уважаемым на самом деле. **То есть голос рассказчика слышен отчётливо тогда, когда события далекого времени комментируются, объясняется их смысл. А авторский голос – когда есть необходимость подвести итог происходящему.**

Чтобы помочь читателю понять, когда герои поступают хорошо, а когда несправедно, в четвёртой главе рассказчик-повествователь знакомит с историей, когда его мать объясняет мальчику суть происходящего в мире: каждый поступок человека одобряется либо ангелом, который за правым плечом, либо сатаной, который за левым. И впервые – в финале четвертой главы – встречаются два голоса – голос рассказчика и автора. «Ночью, лёжа с открытыми глазами, я обещал себе, что всегда у меня мой Ангел будет

смеяться и радоваться, а лукавый за левым плечом будет корчиться и скрипеть зубами» [4] – это говорит рассказчик. А автор добавляет: «Из психологических оттенков надо бы отметить именно тот, что как же я подведу моего Ангела, как же я, так сказать, не оправдаю его доверия». [4] Интонация явно меняется (появляется штамп «оправдать доверие», вводная конструкция «так сказать»), потому что автор знает, какую цену заплатит он и вся страна за то, что отдадут себя в руки дьяволу. Именно так считал В.А. Солоухин в 80-ые годы. Каждая глава повести будет заканчиваться рассуждением о том, кто же в тот момент, когда происходило описываемое событие, ликовал – ангел или сатана, – что даст возможность понять до конца позицию автора, который не снимает с себя ответственности за экономический и духовный упадок в стране, несмотря на то что был мал в пору, когда решалась судьба России.

Рассмотрим композицию одной из глав, чтобы представить, как развивается авторская мысль. В пятой главе рассказчик знакомит с планетой, на которой живет маленький крестьянский мальчик. Это его деревня, дом, сад. Его интересует свет, которого было много летом как во дворе, так и в саду; то, что растёт на грядках и клумбах; каменная тропинка в сад; красавицы яблони, у каждой из которых своё лицо; дедушкины пчельник и ульи; утварь пчеловода – дымарь и липовая кадка для мёда; и наконец – граммофон с жостовской трубой. **И каждое из явлений комментируется автором, который, в отличие от рассказчика, с упоением погружающего нас в мир этой планеты счастливого детства и знающего, что ему придёт конец, ставит оценку происходящему, потому что он видит того ангела и того дьявола за спиной героев своей нехитрой истории.** Автору не нравится «позднейшее мичуринское кровосмешительство», когда речь идёт о сортах яблонь, отсутствие одухотворенности в русском саду («мне кажется, что я захожу в дом, где никто не живёт, в храм, в котором перестали служить»). Мы видим глазами рассказчика чудесную струю мёда, которая тяжело течёт до дна посуды и там ложится «толстыми прозрачными складками», а потом комментарием автора, точно знающего, почему именно струя запомнилась рассказчику: «струя лилась на уровне моего роста». Мальчишка, играющий в войну, в качестве пулемёта берёт семейную реликвию – граммофон, приданое матери – и косит, косит из него цепи белогвардейцев – об этом помнит рассказчик. А автор роняет слово «рай», которое многое в книге, описывающей детство в конце 20-ых – начале 30-ых, объясняет: а цепи «всё шли и шли, и я лихорадочно строчил в сторону бывшей пасеки, в сторону мирного и доброго, но уже затронутого всеобщей гибелью РАЯ». И дальше рассуждает: «Значит, кто-то уже успел (но когда и каким путём?) привнести в душу мальчика жажду кровопролития и убийства, и не просто убийства, но убийства массового, из пулемёта, чтобы люди ложились рядами, грудками, и всё мне было мало...». [5] И читатель будто слышит в этот момент смех за левым плечом...

В повести главы не имеют названия. Для того чтобы уточнить, что считает в своём детстве главным В.А. Солоухин, дадим им названия:

---

1. Разговор с самим собой.
  2. Рождение героя – рассказчика-повествователя.
  3. Духов день как день рождения рассказчика.
  4. Наказ матери.
  5. Планета детства: село, сад, пчельник.
  6. Свечной и кирпичный заводики Солоухиных. Семейное дело.
  7. Успеньев день в Караваеве. Журавли.
  8. История семьи Григория Ивановича. Деревня Брод.
  9. Семейные устои: праздники, будни, дом, земля, лошадь, стихи...
  10. Отношение к Богу в семье Солоухиных.
  11. Роль промысла Божьего в жизни человека.
  12. Отец. Отсутствие сопротивления новой жизни.
  13. Отношение к животным как к живым душам. Откуда в человеке бессмысленная агрессия.
  14. Почему в жестокую эпоху перемен семья, дом Солоухиных уцелели?
  15. Как и за что наказывали детей в семье Солоухиных.
  16. Унижение народа через коллективизацию и через разрушение церквей.
  17. Сосуществование новых и старых принципов. Обезображенная вечная потребность человека в вере.
-

Из предложенного плана видно, какова логика рассуждения писателя: от чистого, ясного в душе и сердце, данного с рождения, человек приходит к тому, что ему предлагает социум. И социум в лице набожной матери предлагает Бога и молитву («Представляете ли вы эту картину: женщину и ребёночка и чтобы они стояли на коленях в полутьме избы перед лампадой, освещающей иконы, и молились, молились...» [6]), а новая власть в стране – азартные игры (в главе 15-ой рассказчик объясняет, за что наказали его 2 раза

мать – за пристрастие к играм на деньги в подростковом возрасте – и отец – за то, что похвалялся перед сверстниками револьвером, оставшимся с времен гражданской войны в семье [7]), необъяснимую, нерегулируемую жестокость толпы (в главе 13-ой нарисована картина издевательства над котёнком и белкой [8]). Особенно горько читать о том, что становится не с детьми, которых социум формирует под свои запросы («И на уроках по родной речи, где учить бы нам и читать наизусть «Колокольчики мои, цветики степные...»... мы талдычили вслед за учителями: «А по полю нашему трактора, трактора...». [9]), а со взрослыми – отцом, матерью, дядей Григорием Ивановичем. Григория Ивановича, крепкого хозяина, владельца маслобойки, сгноили в лагерях за острое словцо. Он однажды посетовавшему на качество колёсной мази родственнику сказал: «Какова мазь, такова и власть». Отец же, после коллективизации раскулаченный, чуть не сгинувший вместе с семьёй на выселках, как-то скукожился, и всё ему стало равно: какая власть? какие порядки? – А какая разница, ведь отобрали самое дорогое – душу хозяина. Его всегдашняя поговорка «Без дров не останемся!» как свидетельство его равнодушного отношения к жизни. «А мать... Родители, отчётливо понимая, что жить мне всю жизнь предстоит при новой власти, руководствуясь, очевидно, инстинктом самосохранения, полностью устранились от моего, так сказать, социального воспитания, передоверив меня советской школе» [10]. Мальчик же, «движимый почти религиозным по силе и яркости чувством», начал устраивать дома «Ленинский уголок», развесив на стене фотографии Ленина. **Всё это рассказывает повествователь** – человек, лелеющий детские воспоминания, перекладывающий их, как речные жемчужины, доставшиеся очень нелегко, на ладони. **А автор**, давая оценку школьному воспитанию, говорит о замусоривании мозгов, о том, что за левым плечом, когда шло оболванивание крестьянских ребятишек, «потирали руки и злорадно хихикали, а за правым плечом печалились, если не плакали, то ведь этого не было ни слышно, ни видно...». Это последние слова в повести наводят на мысль, что «зорко одно лишь сердце», которому нет возможности повлиять на решение ребёнка поступать так, а не иначе. И родителей **не осуждает автор**, он говорит, что принцип «лишь бы выжить и спасти детей» – всё, что оставила им власть.

Авторский голос, безусловно, определяющий основное идейное содержание повести, так как публицистичность интонации – главное, с помощью чего хочет добиться понимания своей задачи автор, писатель В.А. Солоухин: он объясняет, что направление, которое выбрала Россия в начале XX, пагубно сказалось на уровне гуманности в русском народе. Утверждая, что Россия – крестьянская страна, писатель, с любовью описывая образ жизни семьи, в которой он вырос, считает, что отсутствие Бога в душе многих людей, и в своей в том числе, делает человека уязвимым перед искушением безверием и фанатизмом. И рассказчик-повествователь в данном случае – страдающий ребёнок, повзрослевший в дальнейшем и понявший ужас существующей идеологии.

Глава вторая. Портрет рассказчика в повести «Смех за левым плечом»

Портрет рассказчика в повести «Смех за левым плечом», как снимок в на листе фотобумаги во времена, когда не было цифровых фотоаппаратов, проявляется медленно. «Из ничто я появился в теплую июньскую ночь, ближе к утру. Несомненно, первыми земными звуками, которые я услышал, были истошные крики грачей. Они всегда кричат в это время...» В семье Солоухиных были черноволосые и худощавые, а Чебуровы были светло-русые, круглолицые и склонные к полноте, именно такие черты унаследовал писатель В.А. Солоухин. [11]

От матери и сестры к юному рассказчику передалась любовь к русской литературе и поэзии. «Катюша с книгами, а я возле нее, вокруг нее, вроде котенка. Для себя ли читала она все время стихи вслух или с учетом того, что и белоголовый мальчонка находится возле, но спохватились, когда я вдруг, не умея еще читать и не зная еще ни одной буквы, начал декламировать наизусть целые страницы из «Демона», и «Тамару», и «По небу полуночи ангел летел», и «Русалку», и «Парус». Очень может быть, что, декламируя (и не выговаривая еще все слова), я не понимал смысла заученного наизусть с голоса Катюши, но помню, что было небо в черных и рваных тучах, и огромная, очень яркая луна среди этих туч...». [12] Мать очень сильно влияла на сына. Она учила его молитве, учила поститься. Особенно запомнился читателю момент, в котором Степанида Ивановна и рассказчик, маленький мальчик лет шести, возвращали корову, которую власть отняла, а потом возвратила. «Тихий, теплый, умиротворенный осенний денек еще и тем драгоценен, что, вероятно, ни до этого дня, ни после, ни разу уж в жизни не выпадало больше такого случая, чтобы целый день – с матерью наедине. Все больше общаться приходилось урывками... А тут – целый день вдвоем. Неторопливое путешествие. Может быть, счастливее дня уж и не было в моей жизни». [13] Поэтическим и добрым веяло от матери, ребёнок это хорошо осознавал, тянулся к ней.

Мальчик был очень восприимчивым к боли другого человека, другого существа. Несмотря на то что он жил в деревне и должен был быть готов к тому, что там «режут скотину», не мог смотреть на то, как убивают животное. Он считал, что у всех живых существ есть душа. «Как дергалась в моих ручонках овца, и как постепенно затухало ее дерганье, и как наконец застывала она в неподвижности. А глаз ее все еще, казалось, косил на меня, именно на меня, а не на главное действующее лицо, и как бы застывало в этом глазу недоумение: «Ну он-то ладно, он мужик, его воля, а ты-то что?»

Ты-то зачем? От тебя-то уж никак нельзя было ждать...» [14] Да, животные как люди, все понимают, могут сочувствовать. О пробуждении гуманного начала в сердце ребенка всегда пеклась русская литература. И В.А. Солоухин продолжает в своей повести «Смех за левым плечом» традиции С. Аксакова («Детские годы Багрова-внука»), А. Куприна («Белый пудель»).

Было также два случая в жизни рассказчика, о которых нельзя не упомянуть. В них описывается жестокость к маленьким зверькам, которые не могут дать отпор. После случая с белкой в сердце ребёнка что-то переломилось. «Никогда уж не плакал так горько и так долго, как после этой маленькой и бессмысленной трагедии», - говорит о своих переживаниях рассказчик. [15]

Не рассказчик, а автор хорошо понимал: значение Бога и церкви для русского человека огромно. Но рассказчик, которому доверено поведать о самых трагичных в жизни русской деревни 20-30-ых годов событиях, имеет своё мнение о Боге и церкви. Для него Бог и церковь имеют голос: колокольный звон должен был населять русские равнины и села на ней. Он понимал это как человек, который привык к подобному порядку вещей. И уже неистовый автор, объясняя, как обманывали крестьян, веривших, что металл нужен для оборонных целей, говорит: «Обеззвучить страну и народ, обезязычить их, ввергнуть в глухую немоту. Если он, народ, и на это никак не ответит, ну тогда, действительно, делай потом с ним что хочешь, вей из него любые веревки». [16] Автор – знает, рассказчик же – чувствует, слышит. В 10-ой главе именно он, по-детски чувствующий и слышащий, пишет о глубоко интимном общении с Богом, оговариваясь: «...я должен написать о том, о чем должен, но практически невозможно написать». И дальше он говорит о неудержимой тяге мальчишки в летний вечер войти в церковь, запертой на замок, где «мне было бы сладостно и хорошо, так хорошо, как не может быть здесь, снаружи. Да, меня там любят и очень ждут, а я не могу туда войти, а я здесь, с мальчишками».

Все новые явления, которые пришли вместе с настоящим (а это было наносное), постепенно слились с прошлыми приобретениями (с родовым). В соотношении «родового» и «наносного» победило последнее. В.А. Солоухин отвечает, почему так произошло: люди забыли о традициях, которые передавались через поколения в семьях; слишком быстрым оказался слом традиционного уклада, и противопоставить валу новых жизненных ценностей Бога, семью, тепло домашнего очага они не смогли. Возможно, в некоторых случаях повлияло то, что родители, руководствуясь принципом

«себя не переучишь, а ребёнку лучше жизнь не портить», не пытались навязать мнения, которые, как им объяснили, были годными только для «прошлой» жизни. И главные уроки ребёнок извлекал не дома, а в школе, кружках, где главными учителями были не мама и папа, а учительница и друзья.

Итоги исследования

Принцип диалогичности, который не виден с первого взгляда, даёт читателю возможность почувствовать, насколько полемична точка зрения В.А. Солухина. Детство – богатство, данное, «организованное» нашими родными и близкими в начале жизненного пути, которое определяет в дальнейшем, справиться или нет человек с трудностями, испытаниями. И рассказчик утверждает: да, это было богатство, я справился со всем, чем испытывала меня жизнь. А автор говорит: да, я справился, но мог быть ещё сильнее, мудрее и чище, если бы знал все взаимосвязи, которые существуют между явлениями, людьми, мыслями и желаниями, если бы не прокатился по русскому крестьянству каток русской революции. Рассказчик связан с родной землёй кровно, автор же увидел мир, для него Алепино – важная часть жизни, и он знает, что рай родины – прошлое, которое не восстановить, оно лишь в сердце.

Источники:

1. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Запевалов В.Н. стр. 401
2. http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=KWx1HvI6_aY%3d&tabid=10547
3. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Запевалов В.Н. стр. 402
4. http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=KWx1HvI6_aY%3d&tabid=10547
5. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1>
6. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 37.
7. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 53.
8. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 136.
9. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 183-187.
10. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 160-167.
11. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 199.
12. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 200.
13. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 85.
14. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 124.
15. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 180.
16. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 162.
17. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 164.
18. Солоухин В.А. Смех за левым плечом; Чёрные доски. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. стр. 193.
